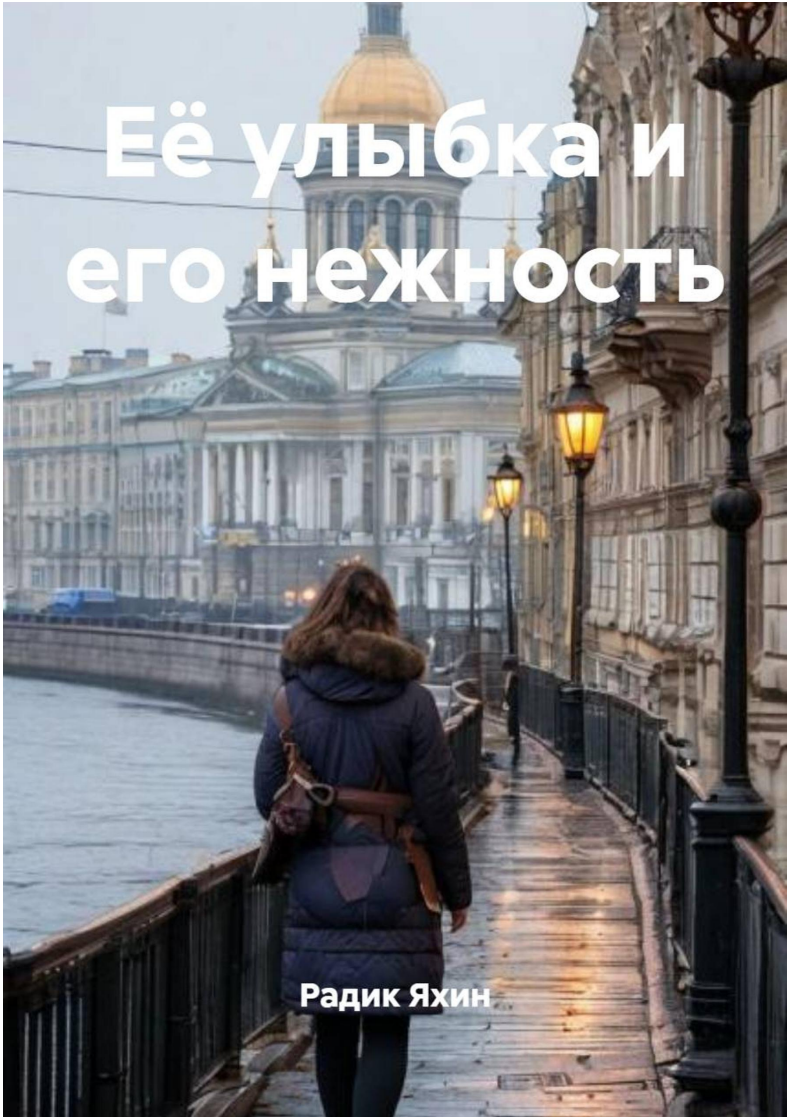
Её улыбка и его нежность

Радик Яхин

Радик Сайфетдинович Яхин

Её улыбка и его нежность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73182943
SelfPub; 2026

Аннотация

В туманном Петербурге, где каналы прячутся в молочной дымке, пересекаются пути двух одиноких сердец. Анна – детский онколог, чья улыбка сквозь боль становится лучом света для маленьких пациентов. Максим – реставратор, запертый в мастерской среди старых вещей, не в силах починить собственную жизнь.

Случайная встреча на набережной меняет всё: один взгляд, одна улыбка – и невидимая нить связывает их. Он учится видеть надежду в её усталости; она находит опору в его тихой нежности. Вместе они поймут: даже в самом густом тумане можно разглядеть дорогу друг к другу.

Это история о том, как любовь рождается не из идеальных условий, а из взаимного принятия боли и желания быть рядом – несмотря ни на что.

Радик Яхин
Её улыбка и его нежность

Раннее петербургское утро дышало сыростью и тишиной. Туман, как молоко, заливал каналы, скрывая фасады старых домов и размывая контуры фонарей. Анна Сергеевна Ковалёва шла быстрым, привычным шагом по скользкой гранитной набережной, закутавшись в тёмно-синее пальто. В её большой сумке лежали стетоскоп, пачка историй болезней и несколько ярких наклеек для своих маленьких пациентов. Мысли её уже были там, в отделении детской онкологии, где каждый день шла тихая, изматывающая война. Её собственное сердце, полное сострадания, было её главным инструментом и её главной уязвимостью. Она почти не замечала окружающего мира, пропуская мимо ушей редкие звуки просыпающегося города. Она обогнула угол и на мгновение замедлила шаг, чтобы пропустить медленно ехавший мусоровоз. В этот самый момент ветер слегка отогнал пелену тумана, и солнечный луч, слабый и робкий, упал на её лицо. Анна машинально подняла голову, и на её губах, обычно сосредоточенно сжатых, расцвела улыбка – невесёлая, но бесконечно тёплая, улыбка человека, который, несмотря ни на что, верит в свет.

Эту улыбку увидел он. Максим Игоревич Волков стоял

у окна своей мастерской на втором этаже старого дома. Он держал в руках чашку с остывшим кофе и смотрел в серую муть утра, не видя ничего. Бессонная ночь, проведённая за работой над сложным заказом – реставрацией старинного бронзового канделябра – и привычное, глухое чувство тоски оставляли его равнодушным к новому дню. Его жизнь последние несколько лет была похожа на этот туман: серая, однообразная, без чётких контуров. Потеря родителей, болезненный разрыв с невестой, закрывшей дверь перед его «унылым существованием», – всё это оставило в его душе глубокие шрамы. Он мастерски возвращал к жизни ветхие вещи, но не знал, как исцелить самого себя. И вот он увидел её. Женщину в синем пальто, с сумкой через плечо. И её улыбку, промелькнувшую, как тот солнечный луч, и так же быстро исчезнувшую, когда она вновь углубилась в свои мысли и зашагала быстрее. Что-то дрогнуло внутри Максима, какой-то давно забытый щемящий отзвук. Он не успел разглядеть её лицо как следует, только тёмные волосы, выбившиеся из-под капюшона, и этот мимолётный изгиб губ. Он проводил её взглядом, пока она не растворилась в тумане у выхода с набережности к больничному городку. Чашка в его руке дрогнула, кофе расплескалось. Максим отшатнулся от окна, чувствуя странное, почти болезненное биение сердца. «Что со мной? – подумал он с досадой. – Недостаток сна. Надо закончить работу». Но весь оставшийся день образ улыбки в тумане преследовал его, мешая сосредоточиться на тонкой

патине бронзы.

Анна же, переступив порог больницы, полностью переключилась. «Маленькая крепость», как она мысленно называла своё отделение, встретила её знакомыми запахами антисептика, лекарств и детской печали, всегда смешанной с удивительной стойкостью. Первым делом она зашла в палату к семилетнему Серёже. Мальчик перенёс тяжёлую операцию и теперь проходил химиотерапию. Он лежал бледный, но увидев Анну, слабо улыбнулся. «Доброе утро, доктор Анна. Вы обещали новую историю про космического кота». Анна села на край кровати, достала из кармана халата маленькую игрушку-космонавта. «Обещала. И принесла тебе пополнение в экипаж». Она начала рассказывать, и её голос, тихий и мелодичный, заполнил пространство палаты, на время отгоняя страх и боль. Она гладила мальчика по руке, и её пальцы были тёплыми и уверенными. Она отдавала частичку своего тепла каждому маленькому пациенту, а вечером возвращалась в свою пустую квартиру, чувствуя себя опустошённой, но не позволяя себе раскисать. Её собственная жизнь, личная, оставалась где-то за скобками, отложенной на «потом». «Потом», которое никогда не наступало.

На следующее утро туман был ещё гуще. Анна шла тем же маршрутом, на ходу проверяя в телефоне результаты анализов. И снова, почти на том же месте, её нагнала мысль о

маленькой пациентке Лиде, чьё состояние ухудшилось. Она вздохнула, и на её лице отразилась такая глубокая, бездонная печаль, что со стороны это могло показаться отчаянием. Максим, уже бессознательно ждавший у окна, увидел не улыбку, а это выражение боли. Оно ударило его с неожиданной силой. Он увидел не просто красивую женщину, а человека, несущего на своих плечах целый мир страданий. И это ранило его ещё больше, потому что он знал, каково это – носить в себе боль. Не думая, почти на автомате, он схватил со стола случайно оставленный там с прошлого вечера маленький брелок – крошечную, идеально отполированную сову из орехового дерева, которую он вырезал для себя, просто чтобы занять руки. Спустившись по скрипучей лестнице, он выскочил на улицу. Анна уже была в тридцати метрах, почти невидимая в молоке тумана. «Эй!» – крикнул Максим, но голос его сорвался. Он зашагал быстрее, догнал её и, запыхавшись, неловко протянул руку с деревянной совой. «Простите… это… вы обронили?»

Анна вздрогнула и обернулась. Перед ней стоял высокий мужчина в тёмном свитере, с руками, испачканными тонкой металлической пыльцой, и с таким растерянным и напряжённым выражением на лице, что ей стало почти смешно. Она внимательно посмотрела на маленькую фигурку в его ладони. «Нет, не моя. Это очень красиво сделано, но не моя». Максим почувствовал, как кровь приливает к его щекам.

Глупость его поступка обрушилась на него всей тяжестью. «А… извините. Мне показалось… в тумане…» Он сжал сову в кулаке, готовый провалиться сквозь землю. Анна увидела его смущение и неожиданно снова улыбнулась. На этот раз улыбка была живой, чуть насмешливой, но доброй. «Ничего страшного. Спасибо за бдительность». Она кивнула и повернулась, чтобы идти дальше. «Подождите! – снова вырвалось у Максима. – Я… я часто вижу вас тут по утрам. Вы в больнице работаете?» Анна остановилась и оглянулась. Её взгляд стал оценивающим, профессиональным. «Да. Детским онкологом». Эти слова прозвучали как приговор, от которого даже туман вокруг, казалось, сгустился. Максим молча кивнул, не зная, что сказать. «А вы? – спросила Анна, из вежливости. – Вы здесь живёте?» «Рядом. У меня мастерская, я реставратор. По металлу, дереву…» Он показал на окно второго этажа. «Там». Анна посмотрела туда, потом снова на него. «Интересно. Ну, мне пора. Дежурство». «Конечно. Извините ещё раз за беспокойство». «Не беспокойтесь. Всего доброго». И она ушла, растворившись в белой дымке, оставив Максима стоять одного с деревянной совой в руке и с хаосом непонятных чувств в груди. Он медленно пошёл назад, к своей мастерской, и вдруг осознал, что впервые за долгие месяцы он не хотел, чтобы день заканчивался. Ему хотелось, чтобы наступило завтрашнее утро.

Прошла неделя. Туман сменился холодным, но ясным

ветреным утром. Анна, как всегда, спешила. В голове роились планы на день: консилиум по Серёже, смена схемы лечения для Лиды, звонок в благотворительный фонд по поводу дорогостоящего лекарства для ещё одного ребёнка. Она почти не заметила мужскую фигуру у подъезда своего дома, пока не услышала рядом с собой нерешительный голос: «Анна Сергеевна?» Она резко остановилась. Перед ней снова стоял тот самый реставратор. Максим. На нём было то же тёмное пальто, но сегодня он выглядел менее растерянным, хотя напряжение в его плечах всё ещё читалось. «Здравствуйте. Максим Игоревич, если я правильно помню?» – сказала Анна, стараясь быть вежливой, но не поощряя долгого разговора. «Да. Волков. Я… я тут проходил». Он солгал, и это было очевидно. «Я хотел… извиниться ещё раз. За тот нелепый случай». Анна смягчилась. «Да бросьте. Ничего страшного». Она сделала шаг в сторону, но он не уходил. «Я вырезал ещё одну. Сову. Вот». Он сунул руку в карман и достал другую фигурку, чуть больше первой, тоже из тёмного дерева, но с проработанными до мельчайших деталей перьями. «Это уже не брелок. Просто… сувенир. Для ваших пациентов. Может, кого-то порадует». Анна взяла фигурку. Работа была действительно изумительной. Дерево было гладким, тёплым, а в крошечных глазах-бусинах, казалось, светилась мудрость. Её профессиональная холодность дала трещину. «Это прекрасная работа. Спасибо. Дети будут в восторге. Вы талантливы». Максим покраснел от неожиданной похвалы.

«Пустяки. Просто руки заняты должны быть. А то…» Он не договорил. «А то?» – мягко спросила Анна. Он посмотрел на неё, и в его серых глазах она вдруг увидела ту же усталость, то же одинокое бремя, которое носила сама. Только другого рода. «А то мысли одолевают. Не самые весёлые», – тихо признался он. Ветер резко рванул, и Анна придержала волосы. «Мне правда пора. Но… спасибо за сову. И за искренность». Она повернулась и пошла. Через несколько шагов обернулась. «Знаете, Максим Игоревич, руки, которые создают такую красоту, не должны быть заняты только чтобы забыться. Заходите как-нибудь в нашу больницу. Принесите свои работы детям. Им очень нужна красивая отвлекающая терапия». И не дожидаясь ответа, она зашагала быстрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.